

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)612-283.3

Офицеры из Центральной России — участники Гражданской войны на Восточном фронте: боевой путь с Запада на Восток

В.В. Канищев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия)

Officers from Central Russia — Participants in the Civil War on the Eastern Front: Combat Path from West to East

V.V. Kanishchev

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University (Tambov, Russia)

Рассмотрена проблема перемещения офицеров Русской императорской армии с западного театра военных действий Первой мировой на Восточный фронт Гражданской войны. В основу работы легли судьбы офицеров из центральных губерний Российской империи (Воронежской, Курской и Тамбовской), которых водоворот событий «Великой смуты» перенес на Восток, разбросав по разные стороны баррикад. Автор приходит к выводу о том, что каналы попадания в Белые армии на востоке были различными. Некоторые офицеры оказались за Уралом еще в ходе так называемой Великой войны, будучи переведены туда по службе. В ходе назревавших больших перемен в революционный период февраля-октября 1917 г. и начале Гражданской войны некоторые офицеры потянулись на восток к семьям, желая обеспечить безопасность родных людей. Кто-то, не имея прямых связей с восточной Россией, устремился туда вместе с сослуживцами из Сибири и Дальнего Востока, увлекаемый принципами боевого братства. Для офицеров, вставших на сторону революции, путь определялся прямым приказом, которому некоторые были верны до конца, а кто-то был готов к измене. На основании изученных материалов автор делает выводы о типичном характере времени, отразившемся в разнообразии судеб бывших офицеров императорской армии, воевавших на Востоке страны в эпоху великих потрясений.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, офицерство, Белые армии, Красная армия.

DOI: 10.14258/izvasu(2022)6-03

Печально известное российское «хождение по мукам» первых десятилетий XX в. было не только мобильностью вверх-вниз по социальной лестнице,

The paper considers the problem of relocation of the Russian Imperial Army officers from the western military actions theater of World War I to the eastern front of the Civil War. The work is based on the fates of officers from the central provinces of the Russian Empire (Voronezh, Kursk and Tambov), who were moved to the East by the maelstrom of "Great Troubles" events, having scattered them on different sides of the barricades. The author concludes that the channels of entry into the White Armies in the East were different. Some officers ended up behind the Urals during the so-called Great War, having been transferred there on duty. During the great changes that were brewing during the revolutionary period of February-October 1917 and the beginning of the Civil War, some officers reached out to their families in the east, wanting to ensure the safety of their kin. Others, having no direct ties to eastern Russia, rushed there with fellow officers from Siberia and the Far East, drawn by the principles of military brotherhood. For officers who sided with the revolution, the path was determined by a direct order, to which some were faithful to the end, and some were ready for treason. On the basis of the studied materials the author draws conclusions about the typical character of the time, reflected in the variety of fates of former officers of the imperial army, who fought in the East of the country during the era of great upheaval.

Key words: Civil War, Eastern Front, officers, White Armies, Red Army.

втягиванием миллионов людей в тяжелейшие военнореволюционные события, но и длинными передвижениями по гигантской территории Российской империи.

В некогда популярной простенькой песенке о приказе ему на запад, ей в другую сторону справедливо то, что судьба бросала участников Гражданской войны в самые разные стороны. Кадровые офицеры Русской армии получали приказ — идти на Запад еще летом-осенью 1914 г., а в последующие годы, особенно в 1917–1918 гг. и по приказам, и «по зову сердца» направлялись в другие стороны.

В историографии хорошо известны пути высших офицеров императорской армии, описанные ими самими, авторами книг серии ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей) и многих других изданий (А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова и многих других). Опубликованы десятки воспоминаний офицеров — участников Гражданской войны и их сослуживцев. Но судьбы тысяч офицеров, не написавших своих мемуаров, не попавших в воспоминания других людей или в сочинения историков, остаются неизвестными. Даже запечатленные в каких-либо мемуарах или исторических работах люди зачастую упоминаются эпизодически, что не позволяет выяснить их долгие и дальние «хождения по мукам».

Все эти рассуждения в полной мере относятся к офицерам Русской армии, служившим в 1914 г. в гарнизонах Центральной России или происходившим из этого региона, а в 1918 г. и в последующие годы оказавшимся по обе стороны Восточного фронта Гражданской войны. В созданной нами базе данных жизненных путей офицеров воинских частей, находившихся до Первой мировой войны на территории Воронежской, Курской, Тамбовской губерний, выявилось 22 человека. Еще 11 офицеров Восточного фронта включено из базы данных офицеров, происходивших из Тамбовской губернии.

Биографии большинства этих людей, среди которых были высшие начальники (белые генералы и полковники, красные комдивы и комбриги) не нашли отражения в исторической литературе. Мы выявили несколько монографий и статей с оценками или просто упоминаниями наших персонажей.

Наиболее подробное описание получили военные биографии уроженцев Тамбовской губернии — генерал-майора, военного министра Временного Сибирского правительства, командующего Сибирской армией Алексея Николаевича Гришина-Алмазова [1–3] и предводителя Ижевско-Воткинского восстания, затем полковника Сибирской армии Дмитрия Ивановича Федичкина [4; 5].

Немало написано о боевой деятельности в Енисейской губернии бывшего воронежского кавалериста, подполковника А.Д. Олиферова, предводителя крестьянского повстанческого отряда (по советской классификации — банды), воевавшего против советской власти до начала 1921 г. Серию публикаций на эту тему завершила статья А.П. Шекшеева, который назвал Олиферова талантливым командиром хо-

рошо организованного повстанческого отряда и даже «Сибирским Корниловым» [6]. А.П. Шекшеев также составил биографическую справку об А.Д. Олиферове для известного издания о вожаках и лидерах Смуты начала XX в. [7, с. 463–464].

Внимание нескольких историков привлекла военная биография дворянина Тамбовской губернии, бывшего гвардейца, полковника Бориса Федоровича Ушакова, сражавшегося против Красной армии в составе Чехословацкого корпуса [8, с. 98–109].

Некоторые персонажи нашей статьи удостоились простых единичных упоминаний в исторической литературе. В.С. Познанский упоминал генерала В.Г. Владимирова (перед Первой мировой войной командира 174-го Роменского пехотного полка в Курске, в 1917 г. — начальника штаба 24-го армейского корпуса Кавказского фронта) и отнес его наряду с несколькими генералами и военными чиновниками к изменникам, которые перешли на сторону белых примерно в начале июня 1918 г. [9, с. 193]. П.А. Новиков просто упомянул полковника И.Ф. Ромерова как командира отряда, боровшегося с красными восточносибирскими партизанами [10, с. 144.], а Д.Г. Симонов того же генерала В.Г. Владимирова как члена Сибирского правительства [11]. Л.М. Спиринов констатировал героические действия командира 256-го Лесновско-Выборского полка Красной Армии Н.П. Захарова, бывшего поручика старой армии [12, с. 61–62]. Этот офицер в героическом контексте упоминается в книге М.И. Шушарина о комиссаре его бригады А. Юдине [13].

Авторы специальных работ об офицерах Восточного фронта главное внимание уделяют мотивам и причинам вступления офицеров императорской армии в различные антибольшевистские революционные силы. К сожалению, общие историко-социологические схемы трудно применить к конкретным людям.

Интересный подход предпринял Е.В. Волков, который сделал подсчеты мотивов белых офицеров по их допросам в ЧК. Но, во-первых, далеко не все белые офицеры попадали в руки чекистов, самое главное — трудно поверить в искренность арестованных. Они скорее признавались в материальных мотивах, чем признавали антисоветский настрой [14, с. 35–36].

Единственным «собственноручным» источником по теме статьи стали походные записки Б.Ф. Ушакова, опубликованные с комментариями группы историков [15, с. 226–267].

Выявилось всего несколько случаев упоминания наших персонажей в опубликованных документах и чужих воспоминаниях. В сборнике документов «Восточный фронт адмирала Колчака» есть данные о служившем в Омске генерале А.А. Агаркове [16, с. 304–305]. В хроникальной публикации воронеж-

ского испартовца (Испарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)) Б.М. Лавыгина имеются упоминания офицера-кавалериста А.П. Потемкина, который впоследствии оказался в одной из белых армий Восточного фронта [17, с. 13]. Бывший комполка Красной Армии Г.П. Софронов вспоминал о своем командире, комбриге, уже упоминавшемся нами бывшем поручике Н.П. Захарове [18]. В дневнике М.Г. Дроздовского мы предположили упоминание белого подполковника М.Э. Кудряшова [19, с. 61].

Основным информационным ресурсом для нашей статьи послужили справочные материалы сайтов РИА 1914, gwar.mil.ru, базы данных С.В. Волкова. Мы в достаточно полной мере выявили служебные пути избранного круга офицеров в 1914–1916 гг. по их послужным спискам. Но архивные данные 1917 г. сохранились с заметными пробелами. А данные о демобилизации офицеров в 1918 г. практически отсутствуют. Основным методом стала систематизация разрозненных данных о конкретных офицерах. Поскольку в некоторых случаях проявлялась нехватка данных для определения путей офицеров на конкретные фронты Гражданской войны, мы вынуждены были выстраивать гипотезы. Надеемся, они стали достоверными, так как учитывали контекст рассматриваемого времени и аналогичные, известные судьбы офицеров.

Общезвестно и вполне объяснимо то обстоятельство, что основная масса контрреволюционного офицерства в конце 1917 — начале 1918 г. устремилась на юг Европейской России к своему кумиру Л.Г. Корнилову. В тот период чисто «технически» это сделать было относительно несложно. Западные губернии, особенно независимой Украины, еще не контролировались советской властью. Через них путь с западных фронтов на Дон и Кубань был в значительной мере свободен.

Сложнее «технически» в этот период было пробраться с Запада на Восток. Не менее важным «отягчающим» обстоятельством было то, что в восточных регионах России в начале 1918 г. не существовало особо привлекательной для антисоветски настроенных офицеров фигуры. Поэтому требуется тщательное исследование движения бывших офицеров Российской императорской армии на Восточный фронт.

Совершенно очевидной выглядит судьба тех офицеров, которые оказались на территории будущего Восточного фронта накануне и в годы Первой мировой войны.

Еще в апреле 1914 г. Александр Николаевич Воскресенский, который служил поручиком 17-го уланского полка в Новохоперске Воронежской губернии, был переведен офицером-воспитателем в Симбирский кадетский корпус. В годы Гражданской войны он служил помощником дежур-

ного штаб-офицера штаба 1-го Волжского армейского корпуса белой армии. Поскольку штаб находился в Симбирске, это дает основание предполагать, что А.Н. Воскресенский до начала Гражданской войны оставался в городе и, вероятнее всего, добровольно вступил на службу в белые войска. Хотя этот сравнительно молодой офицер (1885 года рождения) мог попасть и под мобилизацию. Однако известно, что Волжский армейский корпус в большей части состоял из добровольцев [20]. А уклониться от мобилизации в то «смутное» время было несложно.

Николай Юлианович Буйновский до 1915 г. являлся капитаном Воронежского дисциплинарного батальона (дисбата), а затем служил подполковником Иркутского дисбата. Возможно, он согласился служить на Востоке ради повышения звания. Поскольку известно, что в Гражданской войне Буйновский принял участие в составе 4-й Иркутской стрелковой бригады белой армии, несложно понять, что он никуда не убывал из Иркутска после 1917 г.

Гавриил Гаврилович Мартынов был сослуживцем Буйновского по Воронежскому дисциплинарному батальону также в звании капитана. Его дальнейший служебный путь известен намного меньше. Из Воронежа он был переведен в Анучинский дисбат Приморской области. Участвовал в белом движении на Дальнем Востоке до 1922 г.

Почти аналогичный путь в военно-революционный период прошел Константин Андреевич Соболев, еще один капитан Воронежского, а затем Анучинского дисбата, участник белого движения на Дальнем Востоке. О нем также известно, что он попал в плен к красным, с 1922 г. состоял на особом учете в Воронежском городском военкомате (вероятно, после плена вернулся к довоенному месту службы) [21].

Поскольку Н.Ю. Буйновский, Г.Г. Мартынов, К.А. Соболев на момент начала Гражданской войны по военным меркам были немолодыми людьми (все старше 45 лет), вероятность их призыва в белую армию невелика. Скорее всего, свой выбор в пользу белых они сделали добровольно.

Результаты повышенного интереса историков к биографиям А.Н. Гришина-Алмазова и Д.И. Федичкина стали очередным подтверждением того, что «рукописи не горят», при желании можно найти подробные факты биографий весьма активных людей даже в «смутное время».

А.Н. Гришин (еще без добавки Алмазов) попал на Первую мировую войну в чине штабс-капитана на Западный фронт, к 1917 г. дослужился до подполковника. В ходе революционных событий был арестован солдатами за антибольшевизм и даже изгнан из армии. В начале 1918 г. вполне закономерно оказался в Добровольческой армии. Генерал М.В. Алексеев послал Гришина в Западную Сибирь

для организации подпольных антисоветских групп офицеров. Авторитет и связи способствовали его назначению летом 1918 г. командующим Сибирской армией. Можно предположить, что направление А.Н. Гришина в Сибирь было связано с его довоенной службой в частях Восточно-Сибирского и Приамурского военных округов, хорошим знанием сибирских особенностей [2; 3].

Факты биографии Д.И. Федичкина, отразившие обстоятельства извилистого пути на Восток, также вполне известны. Уроженец Тамбовской губернии, женатый на местной женщине, он всю довоенную службу проводил значительно восточнее. В годы мировой войны вместе со своим 13-м Туркестанским пехотным полком оказался на Закавказском фронте, в составе которого в 1917 г. дослужился до полковника и командира полка. 29 октября 1917 г. был уволен в отпуск в Ижевский завод (там находилась его семья).

Дату мы называем специально. Вероятно, у Федичкина появилось осознание развала армии и опасение за семью «золотопогонника». Он «засиделся» в отпуске до апреля 1918 г., когда был вызван в Казань для оформления документов об увольнении со службы в связи с роспуском старой армии. Контрреволюционный настрой, а, возможно, и связи с одноклассниками по Казанскому юнкерскому училищу привели к тому, что в Казани Д.И. Федичкин вступил в антисоветскую подпольную организацию. Эта организация была раскрыта ЧК [22, с. 554–555]. Вероятно, Федичкин успел уехать к семье. Именно здесь, на Ижевском заводе, он по-настоящему «ввязался» в Гражданскую войну, возглавив известное восстание [4; 5].

Вполне понятным образом оказался на Восточном фронте Александр Алексеевич Агарков. Накануне мировой войны он служил полковником в 26-м пехотном Могилевском полку, расположенном в Воронеже. На фронте стал командиром 234-го пехотного Богучарского полка (2-й очереди, развернут при мобилизации из кадра 26-го пехотного Могилевского полка). После ранения и лечения в 1916 г. был назначен командиром 37-го Сибирского стрелкового запасного полка, который находился в Омске. 13 октября 1917 г. (т.е. до Октябрьского переворота) был уволен в отставку, получив звание генерал-майора. Вполне логично в 1918 г. оказался в Сибирской армии. В силу возрастных причин он занимал должности генерала для поручений при главном начальнике Западно-Сибирского военного округа, дежурного генерала штаба Омского военного округа, члена Омского военно-окружного суда, инспектора военно-спортивных обществ Омского военного округа. Определенным доказательством преданной службы этого генерала в белой армии было рвение в выполнении указаний начальства на заседаниях военного суда [16].

Отмеченный выше историографический интерес к личности Б.Ф. Ушакова, вероятно, определен его не совсем обычной военной биографией. После службы в Особой армии на Западном фронте в 1917 г. он был назначен начальником штаба 2-й дивизии Чехословацкого корпуса. Самое интересное состояло в том, что после распада Российской императорской армии Б.Ф. Ушаков остался служить в корпусе, двинулся с ним на восток. Более того, в марте 1918 г., заболев по дороге и пролежав неделю по болезни в Тамбове, он не остался в родных краях, а вновь примкнул к чехословакам [15, с. 252–253]. Далее Б.Ф. Ушаков прошел в их рядах боевой путь вплоть до своей гибели в районе Байкала.

В рядах «белочехов» оказался и другой дворянин Тамбовской губернии — капитан лейб-гвардии, артиллерист Евгений Николаевич Сумароков. В 1917 г. он воевал на Юго-Западном фронте, в мае 1918 г. оказался в Екатеринбурге, откуда прорвался к чехам. Но обстоятельства его прибытия на Восточный фронт неизвестны.

Также на Урале началась служба в белых войсках сына чиновника Тамбовской губернии, полковника Николая Павловича Цветаева, который в 1917 г. воевал в рядах 84-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте. До войны Цветаев служил в 195-м пехотном Оровайском полку, дислоцировавшемся в Екатеринбурге. Вероятно, здесь осталась семья или какие-то другие связи, которые тянули его больше, чем тамбовская родина. Известно, что почти все оставшиеся в живых к 1918 г. офицеры Оровайского полка участвовали потом в белом движении. Так что могло сказаться полковое братство [23].

Весьма необычной оказалась судьба полковника Леопольда Онуфриевича Томашевского, который до 1916 г. занимал должность Суджанского уездного воинского начальника в Курской губернии, а затем был переведен на аналогичную должность в Екатеринбург, потом в Елабугу. В 1918 г. вновь оказался в Екатеринбурге. С приходом белых в город по должности руководил мобилизацией в их войска. Видимо, за это был расстрелян вернувшимися советскими властями в 1920 г. [24].

Применительно к одной из групп офицеров, проделавших путь из Центра через Запад на Восток, попадание в белые войска Восточного фронта можно объяснить только косвенными данными.

Так, штабс-капитан М.А. Бекман, служивший в годы Первой мировой войны на Западе, мог попасть в 3-й Уральский корпус белых, поскольку являлся уроженцем Пермской губернии, куда, возможно, вернулся после войны.

Сослуживец Бекмана по 23-му саперному батальону также штабс-капитан Миневский имел два основания для службы в белогвардейских частях Восточного фронта. Он оказался там в соста-

ве 1-го Польского инженерного батальона согласно своей национальности (имя и отчество Станислав Станиславович, фамилия на -ский) и специальности (окончил Николаевское инженерное училище).

Призванный на фронт из 31-й артиллерийской бригады в Белгороде поручик Николай Алексеевич Околович уже в сентябре 1914 г. был прикомандирован к Уральской казачьей батарее. Возможно, это было связано с тем, что он был уроженцем города Уральска [25, с. 45–51]. За время войны Околович стал подъесаулом-капитаном. На Восточном фронте воевал в качестве капитана белой Уральской армии. Вроде бы «закономерно».

Намного сложнее реализовалась похожая закономерность в военной биографии Михаила Эразмовича Кудряшова. До войны он служил штабс-капитаном в Курске, воевал на Западном фронте, попал в германский плен (т.е. на «далекий» Запад). В Гражданскую войну в чине подполковника оказался на службе в штабе Восточного фронта белых. Возможно, он оказался там потому, что происходил из мещан Симбирской губернии и из плена вернулся домой.

В дневнике М.Г. Дроздовского в качестве примера мести и злобы упоминается некий офицер Кудряшев, который отправился к белым, узнав, что красногвардейцы вырезали всю его семью. Это мог быть «не наш» персонаж. Но мотив офицера из дневника был характерным для большого числа его соратников по Белому движению [19].

Примерно такой же путь прошел другой уроженец Симбирской губернии, штабс-капитан Михаил Андреевич Яковлев. Летом 1917 г. он был ранен на Юго-Западном фронте, вероятно, оказался на родине, а затем на Восточном фронте.

С немалой долей приближенности мы можем описать обстоятельства попадания на Восточный фронт капитана Василия Назаровича Ковалева, происходившего из крестьян Тамбовской губернии. В 1915 г., будучи на фронте, он заболел, но был признан годным к службе в тыловых частях, зачислен в обоз 12-го Сибирского полка стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Известно, что в начале 1918 г. дивизия, находясь, в городах Центрального Черноземья, была расформирована. Это происходило в родных краях В.Н. Ковалева. Однако он оказался в белых войсках Сибири. Можно предположить, что его «увлекли» туда однополчане, служившие в дивизии до войны, в период ее дислокации в Иркутске.

Появление на Восточном фронте генерал-майора В.Г. Владимирова очень «притянута» можно связать с тем, что в самом начале XX в. он служил в Приамурском военном округе. В 1917 г., судя по дислокации его части, он воевал на Кавказском фронте, а в 1918 г. оказался у белых на Востоке и был командирован из Сибирской армии к генералу

В.Е. Флугу в Харбин. Эта командировка могла быть не случайной, поскольку Владимиров и Флуг, возможно, были знакомы по службе на Дальнем Востоке в 1900-е гг. Вероятно, прежние связи в офицерской среде позволили В.Г. Владимирову занимать целый ряд ответственных военно-чиновничьих должностей в различных белых правительствах Сибири и Дальнего Востока.

Для некоторой части офицеров нашей выборки, воевавших за белых на Восточном фронте, движение на эту территорию объяснить трудно. Наиболее близким к истине, хотя и очень примерным объяснением, мы посчитали движение офицеров-добровольцев, которые, по словам Е.В. Волкова, стекались в восточные белые армии со всех концов России [14, с. 33].

Александр Дормедонтович Олиферов был участником Первой мировой войны в составе 17-го Новомиргородского уланского полка, ушедшего на фронт из Воронежа. Получив ранение, Олиферов в начале 1917 г. находился на излечении в одном из воронежских лазаретов. Наверное, подполковнику уланского полка, который в 1905–1906 гг. участвовал в подавлении крестьянских выступлений, было «неуютно» находиться в революционном Воронеже. В городе постоянно возникали конфликты солдат с офицерами вплоть до физических расправ над «золотопогонниками» в процессе установления советской власти [17, с. 124–125].

Неудивительно, что А.Д. Олиферов оказался в рядах белых. Но мы не знаем, каким образом этот офицер попал именно в Сибирь. Известно, что с августа 1918 г. он служил в 6-м Мариинском полку 2-й Сибирской стрелковой дивизии Сибирской армии. В апреле 1919 г. Олиферов в звании подполковника принял на себя командование этим полком. Но полк прекратил существование в декабре того же года в боях с красными при переходе от Мариинска к Ачинску. Про последний этап боевого пути Олиферова мы уже упоминали. Ясно одно, он относился к тем кадровым офицерам императорской армии, которые отчаянно сражались против советской власти до последней возможности.

В гущу революционных событий в Воронежской губернии в 1917 г. оказался ротмистр 4-го запасного кавалерийского полка А.Н. Потемкин, который исполнял обязанности коменданта Лискинского гарнизона и вынужден был вести переговоры с солдатами, нередко защищая офицеров от издевательств. Станция Лиски была крупным железнодорожным узлом, поезда через который шли в разных направлениях, в том числе и на восток. О службе А.Н. Потемкина у белых почти ничего неизвестно. Мы выяснили только, что он попал в плен, а в 1920–1922 гг. служил в РККА [26]. В принципе такие повороты в судьбах кадровых офицеров случались во время Гражданской войны. По интересному совпадению, именно воро-

нежский историк М.Е. Разиньков обратил внимание на хорошо известный факт о том, что сдавшиеся в плен интегрировались в армию бывшего противника и упорно сражались [27 с. 66].

В нашей выборке оказался еще один «казус» службы в Красной Армии после пленения офицера-белогвардейца. Так, Алехин Виктор Александрович, подпоручик из Тамбовской губернии, воевал на Западном фронте, а в период Гражданской войны оказался в белых войсках Восточного фронта, где и был взят в плен. По данным на октябрь 1920 г. находился в резерве чинов Московского военного округа Красной Армии.

Сербский подданный П.Н. Пашич, служивший в 1914 г. в 7-й артиллерийской бригаде в Тамбове, после фронта Первой мировой войны вновь оказался в этом городе в начале 1918 г. Он явно был настроен на мирную жизнь, о чем свидетельствует данное им вместе с другим офицером И.Д. Ахшарумовым объявление в местную газету о проведении курсов по математике [28]. Вполне вероятно, что такое объявление было дано в надежде на заработок, необходимый в то время многим бывшим офицерам императорской армии, лишившимся должностей и средств к существованию. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что Пашич, как и многие офицеры, находившиеся в 1918 г. в Тамбове, «ввязался» в антисоветское офицерское восстание в городе. Как сообщали источники, отразившие подавление этого выступления, офицеры разбежались из Тамбова в самых разных направлениях [29, с. 237–239]. Этот офицер оказался на Восточном фронте у белых. Другой информации нет.

Есть определенные основания предполагать пребывание в Тамбове в 1918 г. в качестве сотрудника губвоенкомата полковника Николая Александровича Протопопова. В 1916 г. он служил в штабе Минского военного округа. Там же находился штаб Западного фронта, который в начале 1918 г. был эвакуирован в Тамбов. Вероятно, бывший царский полковник, дворянин по сословию, «неуютно» чувствовал себя в советском городе, поэтому отправился в одну из белых армий.

«Мудреными» оказались пути на Восток офицеров, служивших до мировой войны в Центре, повоевавших на западных фронтах, в Гражданскую войну первоначально оказавшихся в белых войсках юга Европейской России.

Павел Акинфиевич Колунов, прошедший всю мировую войну на Западном фронте в звании капитана 28-го пехотного Полоцкого полка, в Гражданскую войну «объявился» в звании подполковника вооруженных сил Юга России в марте 1919 г., состоял в 6-м Осетинском батальоне, затем в 1-м Осетинском батальоне. Осенью того же года оказался в белой Сибирской армии и вскоре

был произведен в полковники. Может быть, поехал на Восток за еще одной звездой.

А вот про Владимира Моисеевича Кудрявцева, в 1914 г. подпоручика 174-го Роменского полка (Курск), воевавшего на Западном фронте и попавшего в германский плен, применительно к периоду Гражданской войны известно только то, что он стал штабс-капитаном и сражался в частях Южного, а затем Восточного фронтов.

Передвижение с Южного фронта на восток в 1919 г. могло быть связано с непрочностью положения белых на юге. Историк В.Б. Лобанов отмечает, что стабильная лояльность кубанского и терского казачества обеспечивала достаточно уверенное положение белой власти в регионе на протяжении всего 1919 г. Однако эта видимая стабильность была непрочной, нерешенность социальных и национальных проблем, имевших первостепенное значение на территории Северного Кавказа, занятой белыми, подтачивала их власть изнутри [30].

Мы не можем объяснить путь в белые войска Восточного фронта полковника Владимира Матвеевича Малыгина, который родился в Курской губернии, окончил Нижегородский кадетский корпус, столичное Павловское военное училище, служил до 1914 г. в 7-й артиллерийской бригаде в Тамбове, воевал в ее составе на Юго-Западном, Северо-Западном, Северном фронтах. Хотя обстоятельства его движения с запада на восток мы не знаем, этого офицера можно назвать наиболее ярким представителем нашей выборки, который всем своим жизненным путем был подготовлен постоянно выполнять приказы, двигаться на запад и в любую другую сторону.

Относительно Петра Федоровича Ушакова, бывшего капитана лейб-гвардии Финляндского полка, мы можем только косвенно предполагать участие в белых войсках Восточного фронта, поскольку он оказался в эмиграции в Китае.

Единственный факт перехода от красных к белым в обследованной группе офицеров проявился в судьбе Ивана Феофиловича Ромерова, который накануне мировой войны служил в 40-м пехотном Кольванском полку (Моршанск Тамбовской губернии), воевал до 1915 г., в самом начале 1917 г. окончил подготовительные курсы военного времени в Императорской Николаевской военной академии. В 1918 г., как многие слушатели этой академии, оказался в составе Красной Армии. В том же году окончил полный курс теперь уже Всероссийской академии Генерального штаба. Но в феврале 1919 г. находился уже в составе белых войск Восточного фронта, в которых отчаянно сражался вплоть до гибели в январе 1920 г. [31].

Особой оценки требуют пути офицеров императорской армии, которые в годы Гражданской войны

сражались в рядах РККА. Их путь в ряды красных был различным, но вполне объяснимым. Наиболее последовательное движение в Красную Армию совершил Борис Павлович Ненашев, который в 1914 г. служил в Белгороде поручиком 10-го мортирного артиллерийского дивизиона, а к концу мировой войны оказался в отдельной батарее воздушной охраны Императорской резиденции уже в чине капитана. В октябре 1917 г. он был избран личным составом командиром батареи. Видимо, в это время получил звание подполковника. В марте 1918 г., т.е. на самом начальном этапе формирования Красной Армии, стал первым командиром управления формирования зенитных батарей РККА в Калуге. В 1919–1920 гг. Борис Павлович командовал артиллерийским дивизионом на Восточном фронте Красной Армии. В такой биографии видится нередкая в ту эпоху удачная военная карьера молодого офицера, во многом ускоренная в революционном 1917 г.

В чем-то схожим был путь в РККА штаб-ротмистра Валентина Валентиновича Тархова. В 1917 г. он также стал выборным командиром (263-й военный транспорт в Слуцке). В апреле 1918 г. по демобилизации поехал в Москву, где добровольно поступил во вновь формируемый штаб Орловского военного округа РККА. Дальнейшая его военная судьба была в прямом смысле выполнением приказов на Запад, а затем в другую сторону: в январе 1919 г. был направлен из Москвы командиром кавалерийского дивизиона в Минск, а уже в июне — командиром 3-го кавалерийского полка на южном фланге Восточного фронта.

Мы не знаем, как попал в Красную Армию штаб-ротмистр Николай Павлович Захаров. Но широко известно, что сражался он в рядах РККА героически. Случайно получить орден Красного Знамени было невозможно. Молодому комбригу (Н.П. Захарову в 1918 г. было 26 лет) нужно было проявить не только личную отвагу, но и правильно организовать действия рядовых красноармейцев.

В советской литературе гибель этого офицера подавалась канонически как стойкость командира,

не выдавшего при пленении «военной тайны» [13]. Но протокол допроса не известен, попавший в плен вместе с ним комиссар бригады также погиб (другими словами, свидетелей не было). А вот предположить то, что дело было не в «военной тайне», а в жестокости отношении белых к офицеру, который, с их точки зрения, был предателем, вполне реалистично. Но в любом случае гибель Н.П. Захарова нужно представлять как яркое свидетельство трагизма Гражданской войны.

Мы также не знаем точных обстоятельств возвращения с мировой войны Владимира Федоровича Карпова, который до 1914 г. служил капитаном в 40-м пехотном Кольванском полку в Моршанске Тамбовской губернии, мужественно воевал, в 1917 г. стал командиром полка (в источниках противоречия: то ли своего Кольванского, то ли 161-го Александропольского пехотного полка; но в любом случае на западных фронтах). Точно известно, что в 1918 г. он находился на советской территории, был мобилизован в Красную Армию, а вскоре назначен командиром 1-й бригады 5-й стрелковой дивизии, формировавшейся на Восточном фронте. Своей службой доказал преданность советской власти, умело и решительно командовал бригадой, а затем всей дивизией, заслужив орден Красного Знамени.

Мы понимаем, что те микроисторические мазки, которые показаны в данной статье, не сольются в большое историческое полотно. Но они могут выделить новые штрихи, подтверждающие те сюжеты прошлого, которые не были детально прописаны, показать судьбы людей, которые не попали в разряд великих личностей, но вносили свой вклад в историю. Из выявленных более-менее точно обстоятельств наиболее явными путями движения на Восток стали стремлением попасть на родину или место проживания семьи, контрреволюционный настрой и, вероятно, воинское товарищество офицеров, которое порой оказывалось сильнее стремления на родину.

Библиографический список

1. Ивлев М.Н. Диктатор Одессы: зигзаги судьбы белого генерала. М., 2012.
2. Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией генерал А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2009.
3. Шишкин В.И. Генерал А.Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа — сентябрь 1918 г.) // Вест-

ник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 1.

4. Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920 / сост. Л. Ю. Трёмсиной, предисл. А. А. Петрова. М., 2008.

5. Цветков В.Ж. Ижевско-Воткинское восстание. 1918. М., 2000.

6. Шекшеев. Гражданская война в Сибири. Отряд подполковника Олиферова 1919–1921 гг. // Красно-

ярский край, Хакасия, Кемеровская и Томская области. URL: http://www.eruda.ru/news/4191_grazhdanskaya_voyna_v_sibiri_podpolkovnik_oliferov_krasnoyarskiy_kray_khakassiya_tomskaya_oblast_chast_2.htm (дата обращения: 21.08.2022).

7. Вожак и лидеры Смуты 1918–1922 гг. Биографические материалы / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2017.

8. Елисеенко А.Г., Ситников М.Г. Полковник Ушаков Борис Федорович // Гражданская война на Урале : материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Пермь, 2011.

9. Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советской Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973.

10. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.

11. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году : монография. Новосибирск, 2010.

12. Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957.

13. Шушарин М.И. Александр Юдин: биографический очерк. Челябинск, 1971.

14. Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период гражданской войны : монография. Иркутск, 2005.

15. Ганин А.В., Новиков П.А., Хипхенов Г.И. «Я с броневиком иду в наступление...». Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь–июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23).

16. Восточный фронт адмирала Колчака / составление, науч. ред., предисловие и комментарии С.В. Волкова. М., 2004.

17. Лавыгин Б.М. 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж. 1928.

18. Софронов Г.П. Неподвластное времени. М., 1976.

19. Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин, 1923.

20. 1-й Волжский армейский корпус. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/1-й_Волжский_армейский_корпус (дата обращения: 22.08.2022).

21. Военные архивы и списки погибших солдат. Погибшие. РФ. URL: <https://погибшие.рф/архив/участники-grazhdanskoj-voyny/участники-belogo-dvizheniya-v-rossii/участники-belogo-dvizheniya-v-rossii-so.html> (дата обращения: 22.08.2022).

22. Упрочение советской власти в Татарии (октябрь 1917 — июль 1918 гг.) : сб. документов и материалов. Казань, 1964.

23. Кручинин А.М. Российский полк с финским именем: Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург, 2000.

24. Офицеры РИА. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Томашевский_Леопольд_Онуфриевич (дата обращения: 24.08.2022).

25. Картагузов С.В. «Сформировать на время военных действий... Уральскую казачью батарею». Участие Уральской казачьей артиллерии в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2008. № 11.

26. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. М., 2002.

27. Разиньков М.Е. Причины военного коллаборационизма рядового и младшего офицерского состава в регулярных формированиях РККА и антибольшевистских сил 1918–1920 гг. // Трагедия войны. Гуманитарное изменение вооруженных конфликтов XX века. М., 2021.

28. Известия. Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов. 1918. 8 марта.

29. Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. : монография. Тамбов, 1995.

30. Лобанов В.Б. Добровольческая армия на Северном Кавказе, ноябрь 1917 — май 1919 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

31. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. М., 2011.